

Қазақстан халықтарының бірлігі күні!
С днём единства народа Казахстана!

«Мосты – самое доброе изобретение
человечества. Они всегда соединяют»
Алексей Иванов

ОО «РУССКОЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
«БЫЛИНА»,
г. АТЫРАУ

БЫЛИНА

№9 (13) 3 мая 2021 года / Распространяется бесплатно

В начавшуюся пасхальную неделю (куличи после Пасхи Христовой можно печь ещё долго!) православные атыраучанки стремятся угостить своей стряпнёй всю родню, друзей, знакомых. Некоторые даже соревнуются – у кого эти кексы с глазурью вкуснее, красивее и даже полезнее.

**КУЛИЧ
ОТ ФРАНКА,**

**или Как мы за рецептом
в столицу <<ездили>>**

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ МАЯ

1660 г.

В ночь на 8 мая казаки атамана Паршина совершили **крупное нападение** на гурьевские рыбные промыслы, заявив, что и «впредь будут Яик-реку очищать и учуг вырубать и станы выжигать».

1752 г.

25 мая на яицкое казачье войско возложена **охрана рыболовства** на реке Яик.

1774 г.

2 мая под Гурьевом отряд подполковника Б. Кандаурова разбил восставших пугачёвцев. С тех пор место сражения **носит имя Кандаурова**.

1917 г.

10 мая избран первый Гурьевский Совет рабочих и солдатских депутатов (**совдеп**).

1930 г.

5 мая открыт **горно-нефтяной техникум**, первый выпуск которого – 61 человек – состоялся в 1933 году.

1931 г.

8-9 мая Гурьев посетил министр пищевой промышленности СССР А.И. Микоян, положив начало строительству **рыбоконсервного комбината**.

1947 г.

Открыт **пассажирский авиарейс** «Гурьев – Форт-Шевченко».

1972 г.

25 мая сдан в эксплуатацию **новый ж/д вокзал** на 500 пассажиров (станция Гурьев-2).

1975 г.

9 мая состоялась торжественная закладка **парка Победы** в честь 30-летия Победы над фашизмом.

2000 г.

5 мая состоялось торжественное открытие новой **мечети Имангали**.

Продолжение на 2-3 стр.

КУЛИЧ ОТ ФРАНКА, ИЛИ КАК МЫ ЗА РЕЦЕПТОМ В СТОЛИЦУ «ЕЗДИЛИ»

А мы решили пойти несколько другим путём и познакомиться вас с историей одного повара, который, приехав на работу в Казахстан, отлично освоил технику выпечки русских куличей, полюбил русские пироги, а ещё национальное казахское блюдо куырдак. Забегая вперёд, скажем, что нашему герою очень понравились казахстанцы – открытые, отзывчивые и такие... свои!

Франк Коппелькамм (Frank Koppelkamm) готовит в столичном Ritz-Carlton. Отель многонациональный, здесь останавливаются приезжие со всего мира. Поэтому угодить постояльцу хочется, конечно, и в плане яств. Куличи нашего героя нравятся всем без исключения. Франк рассказал нам, что научился готовить это блюдо православной кухни здесь, в Казахстане.

– Рецепт, который мы используем в приготовлении, от казахстанского повара. Фаина входит в нашу команду по приготовлению завтрака, и у неё большой опыт работы в варке и выпечке местной еды. Однажды, когда приближалась очередная Светлая Пасха Христова, и когда я уже пересмотрел/перепробовал все возможные рецепты пасхального хлеба, я спросил Фаину: «Готовишь ли ты сама куличи дома?», и она сказала: «Конечно!» О! Это был мой шанс познать технику выпечки куличей именно уместной жительницы! Я научился! И сегодня пеку куличи не только по случаю Пасхи, – эмоционально делится собеседник.

Тем временем Франку действительно было нелегко печь

куличи. В его родной Германии на Easter – Пасху – пекут булочки, это совершенно другое тесто, другой способ приготовления.

– На моей родине, в Германии, на Пасху мы выпекаем сладкий хлеб, вроде булочек, часто плетёный и отделанный глазурью. Моя бабушка в этом деле была потрясающей, в отличие от мамы и сестры, но и они тоже старались печь пасхальные булочки. Маленький секрет: лучше всего, когда этот пасхальный хлеб ещё немного тёплый – намажьте на него свежее масло, добавьте немного домашнего варенья... О, этот вкус очень уникален, – советует Франк, и я понимаю, что проголодалась: как же он вкусно рассказывает!

По словам Франка, наш, традиционный русский пасхальный кулич напоминает ему итальянскую паннетонне – типичный рождественский десерт, чаще всего с изюмом.

Фаина же поделилась со своим коллегой рецептом куличей с цукатами, и Франк его начал использовать в своей работе (см. ниже).

Вообще-то, то, что он будет когда-то готовить православный пасхальный хлеб, Франк

и не думал. Коппелькамм начал свой путь повара в 1988-м в баварском отеле, в Германии. Затем работал в разных европейских странах, в Азии, в Карибском бассейне и Центральной Азии. Франк также учился в кулинарном институте Америки: изучал всё о продуктах питания и кондитерских изделиях в Юго-Восточной Азии. «Я встречался с другими шеф-поварами, которые теперь опубликовали книги или получили свои собственные звёзды, такие как кондитер и шоколатье Уильям Керли», – говорит Коппелькамм.

Обучившись профессии,

стал открывать для себя всё новое и новое. Франк провёл несколько лет в таких заведениях, как Michelin starred kitchens, также работал у Мишеля Ростанга, Герберта Бергера, Андре Ягера, Манфреда Шварца и многих других. Работал в Сингапуре, долгое время в Азии. И потихоньку очутился в Казахстане.

– С 2019-го, – уточняет Каппелькамм. – Мне нравится быть здесь: местные люди искренние, отзывчивые и очень заботливые. Вообще, для меня важно понять местную культуру о еде. Обожаю и путешествия с едой во времени. Помните такого великого повара, как француз Антуан Карем? Это тот, который более двух столетий назад готовил еду, в том числе знаменитые эклеры и соусы для русского царя. А потом и для принца-регента в Англии. Карем был шеф-поваром, который приносил разные блюда в разные места, и там они становились вроде как своими. Я сам уверен, что еда в целом может объединить людей и подружить, – говорит Франк. – Ведь когда мы делимся, мы даём и жертвуем, и тогда другие люди будут вам улыбаться и открываться.

В Казахстане меня объединили два блюда: русские пироги и казахский куырдак. Не зря же говорят, что родина – это то место, где вы чувствуете себя комфортно. Пока я чувствую себя очень комфортно в вашей стране, – сказал Франк, поздравляя читателей нашего издания с Днём единства и Светлой Пасхой. И с удовольствием поделился рецептом русских куличей (безусловно, со своей «лептой»), которые научился печь в Казахстане.

Подготовила Елена
ЕРМОЛИНА

Фото из архива
Франка КОППЕЛЬКАММА

РЕЦЕПТ КУЛИЧА ОТ ФРАНКА КОППЕЛЬКАММА

650 г пшеничной муки, 170 г молока, 240 г яиц, 28 г дрожжей, 20 г мёда, 3 г соли, 110 г сахара, 140 г желтков, 240 г сливочного масла, 190 г вишни сухой, 170 г абрикоса сухого, 120 г изюма, 40 г рома тёмного, цедра апельсина. Шоколадные хлопья для украшения.

Сначала смешать первые семь ингредиентов в течение 1–2 минут. Затем добавить желтки и перемешать ещё три минуты. Добавить другие ингредиенты и перемешать ещё восемь минут.

Тесту дать «подойти» в течение двух часов. Затем разделить тесто на кусочки нужного размера, поместить внутрь форм и также немного дать «подойти», затем выпекать при температуре 170 градусов.

Кулич украсить шоколадной глазурью, сухими фруктами, орехами, изюмом и шоколадными хлопьями.

ИЗ ИСТОРИИ ГУРЬЕВСКИХ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ

СКОЛЬКО БЫЛО ГОСПИТАЛЕЙ

Не прошло и месяца после начала Великой Отечественной войны, как в Гурьеве 10 июля 1941 года уже открыли эвакуационный пункт. В город из прифронтовых регионов потянулись тысячи беженцев и эвакуированных. Частично их размещали и трудоустра-

начали прибывать эвакуированные из центральной России военные госпитали. Точное количество таких медучреждений до последнего времени оставалось неизвестным (в различных источниках указывались разные цифры). Но недавно работникам Атырауского государственного областного архива на основе до-

- №4038 – школа имени Куйбышева, главврач – Рогова Ц.С.;

- №3941 – здание рыбоконсервного комбината (Балыкши), главврач – Щит О.Р.;

- №3946 – рыбопромышленный техникум (Балыкши), главврач – Геренрот А.Д., а позднее – военврач 2-го ранга Лифшиц Исаак Александрович;

- №1383 – 41-я и 44-я школы, а также в здании нефтяного техникума, главврач – Якимов Н.И.

Госпиталь №1077 базировался в посёлке Доссор, главврач – Сташевский К.В. Кроме того, в документах упоминаются ещё эвакогоспитали – NN3229 (главврач – Иванов) и 4469 (главврач – Шиняев А.Л.).

В одном из госпиталей работала санитаркой Татьяна Карповна Точилина (мама нашего известного историка-краеведа В.К. Афанасьева), которая впоследствии рассказывала, что раненых встречали на железнодорожной станции «Гурьев» (здание старого ж/д вокзала до сих пор сохранилось по улице Темирханова, прим. Авт.). Но не все они доезжали до госпиталей живыми, некоторые умирали уже в пути. Выживших пропускали через санобработку в Эмбенской бане – она находилась на углу современных улиц Ш. Валиханова и М. Утемисова, где сейчас АЗС. Тяжелораненых увозили на машинах и подводах в Балыкши, бойцов с ранениями средней тяжести доставляли на Бухарскую сторону, в школу Куйбышева, а остальных распределяли по другим госпиталиям. И после каждого такого санитарного эшелона по тихим

Госпиталь в здании нефтяного техникума, 1942 г.

ивали в населённых пунктах нашей области, но большинство увозили дальше. Так, например, к ноябрю 1941 года транзитом по железной дороге из Гурьева в разные города Средней Азии были отправлены 7 582 человека. Ещё более двух с половиной тысяч обеспечили жильём и работой здесь.

В 1942-м сюда стали перевозить целые предприятия: в частности, из Украины – завод им. Петровского, из Астрахани – механический завод Наркомата рыбной промышленности, а также цеха судоремонтных заводов имени Ленина и III-го Интернационала.

А с января 1942 года в Гурьев

кументов, хранящихся в его фондах, удалось установить, что в Гурьеве дислоцировалось 10 эвакогоспиталей (ЭГ), и ещё один был в посёлке Доссор.

Для прибывающих раненых местные власти спешно освобождали помещения учебных заведений и объектов культуры, производственные и ведомственные здания.

- ЭГ №2967 размещался в Доме пионеров, геологоразведочной конторе и профтехучилище, главврач – Лешакова (или Левашова) К.И.;

- NN2102 и 2103 – в клубе нефтяников, главврач – Рутберг Б.Я.;

- №4116 – дом отдыха нефтяников, главврач – Шерешевская И.М.;

гурьевским улочкам тянулись вереницы легкораненых солдат, опиравшихся на хрупкие плечи санитарок.

«РАНЕННЫХ ВЕЗЛИ СОТНЯМИ»

Воспоминания Нины Ивановны Любиной автору этих строк довелось послушать лично в 2005 году, накануне её 85-летнего юбилея. В годы войны ей досталась тяжелейшая работа санитарки в ЭГ-2967, расположенном в двухэтажном здании Дома пионеров (район нынешнего ФОКа «Атырау»).

«Раненых везли сотнями. Тяжелораненых было очень много, туберкулёзных размещали в клубе при Доме пионеров – кого на кровать, а кого и на пол. А сколько у меня на руках умерло... Но большинство, конечно, удавалось выводить. Один даже долгое время жил здесь, в Гурьеве. Медикаментов катастрофически не хватало, одни и те же бинты приходилось по несколько раз перестирывать, – рассказывала она. – Но не только раны губили бойцов – в городе свирепствовали болезни, люди недоедали. Рыба, конечно, спасала от голодной смерти: продашь, бывало, да хлеба купишь, за которым нужно ещё и очередь выстоять. А очередь занимали ещё с вечера, в очередях приходилось ночевать, булочная тогда была около завода Петровского, а пекарня по улице Московской находилась».

В 1943-м, когда гитлеровцы покатались восвояси, эвакогоспиталь вместе с медперсоналом переехал в Киев, а Любина продолжила работу санитаркой, но уже в другом гурьевском госпитале – Главного управления аэродромного строительства (ГУАС) НКВД СССР, которое занималось строительством объекта №441, известного ныне как Атырауский нефтеперерабатывающий завод.

Сейчас в Атырау, пожалуй, не осталось в живых никого из этих скромных тружениц, которые в ту пору работали в госпиталях медсёстрами и са-

нитарками. Среди них – Вера Григорьевна Крюкова, Клавдия Владимировна Шлейхер (сестра-хозяйка в ЭГ-2967), Прасковья Порфирьевна Карпова (эвакуированная в Гурьев из Астрахани), Раиса Михайловна Велле (ЭГ-4116), Александра Кирилловна Кошечкина-Поторочина и Прасковья Козлова (санитарки ЭГ-2967).

Также в годы войны (и после) из числа добровольцев формировали санитарные дружины. Все они проходили практику в эвакогоспиталях, ухаживая за ранеными. Нам известны имена некоторых

из них. Это – учащиеся школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) Валентина Леонидовна Ивлева, Лидия Горбунова, Вера Александровна Тарабрина (позже Ревкова).

По данным облархива, врачами в гурьевских эвакогоспиталях работали такие квалифицированные специалисты, как З.М.Медведев, А.Н.Мищерин, К.Ю.Перелыштин, Р.В.Стояновская, П.А.Клигерман, Н.Е.Лысенко, С.Н.Любанская, П.П.Геликман, Е.И.Усагина, Т.Н.Булич, М.М.Брауде, А.И.Мотов, Л.Б.Киселов, П.И.Кожевников,

Санитарки Прасковья Козлова и Нина Любина

Р.И.Швариман, Ф.И.Фишер,
Е.А.Савронская.

К сожалению, обо всех них ничего не известно, а ведь их вклад в общую победу советского народа над врагом сложно переоценить.

Мало пишут о подвиге медиков в годы войны. Оперировали они ежедневно. Только заканчивалась одна операция, как за ней следовала другая. Если же хирургов в городе не хватало, то врачам приходилось идти от одного госпиталя к другому, чтобы провести следующую операцию. Небольшой перерыв для них был за радость, а о выходных можно было только мечтать.

И если у наших читателей есть сведения о врачах, санитарях и других медработниках гурьевских госпиталей, сохранились документы и фотографии – просим связаться с редакцией по тел.: **8707 698 43 46**, e-mail: **g.leva@mail.ru**

«РАСКАЖИ ИМ, ГДЕ И КАК Я УМЕР...»

Воспоминаниями медсестры хирургического отделения ЭГ-2967 Зинаиды Евдокимовны Тулиной, написанными ею лично, с нами поделилась её внучка Ольга.

Этот госпиталь занимал сразу три здания. Первое отделение находилось на берегу Урала в Доме пионеров (оно сгорело более полувека назад); второе отделение располагалось в здании геологоразведочной конторы (район современного центрального городского моста, здание конторы давно снесено); 3-е отделение – в профтехучилище.

В феврале 1942 года, после прохождения курсов медсестёр, горвоенкомат направил её в эвакуогоспиталь. Работать довелось в хирургическом отделении (геологоразведочная контора), где находились самые тяжёлые пациенты – лежачие, после операций.

«На втором этаже, где я работала, больных было человек

Персонал медработников I-го корпуса ЭГ-2967.
Гурьев, 1942 г.

65-70. На первом – человек 50. А всего в госпитале находилось на излечении более 400 бойцов и командиров. Раненые продолжали поступать днём и ночью по реке Урал: на баржах, в трюмах, на плашкоутах. Из-под Москвы и Ленинграда, из Астрахани, а потом и со Сталинградского фронта, – пишет Зинаида

икий крик молодого бойца: «Сестра, не уходи! Скоро я умру, скоро зорюшка!» Как схватил меня за полу халата, так и держал, пока рука сама не разжалась. На заре он умер. Я обвела всю палату глазами и ушла, шатаясь».

...Письма. Солдатские трехугольники. Сколько их получила Зинаида Евдокимовна с фронта от выздоровевших бойцов, благодарящих за заботливые руки, бессонные ночи, за носовые платочки, которые она вышивала, преодолевая сон, и тут же дарила уходящим на фронт. Это были самые дорогие сердцу награды за самоотверженный труд! Впрочем, от имени руководства госпиталя медсестра Тулина тоже были отмечена двумя благодарностями с занесением в трудовую книжку.

...В 27-й палате умирал старший лейтенант Евстратий Афанасьевич Омельчук. Гангрена зашла слишком далеко, и врачи уже ничего не могли сделать. Офицер часто терял сознание и в бреду кричал, командовал: «Ложись! Мессершмиты летят, огонь!..» Когда кошмары проходили, он обращался к ней: «Зоя, сестра! У меня на Украине семья, дети. Разыщи их, расскажи, где и как я умер...».

Отыскать их было крайне трудно. Украина ещё нахо-

Зинаида Тулина
и красноармеец
Журавлёв, 1943 г.

Тулина. – Отлично помню своё первое ночное дежурство. Обошла все палаты, а они были больные, и перепугалась: везде покалеченные, больные люди, многие в тяжёлом состоянии. Вдруг задрожали колени. Пошла в ординаторскую к дежурному врачу и говорю: «Я боюсь, у меня дрожат колени, что я буду делать, если они будут умирать?!»

Также помню душераздираю-

дилась под оккупантами, да и Евстратий Афанасьевич не успел сказать, каким райвоенкоматом был призван. С родственниками старшего лейтенанта Зинаиде Евдокимовне удалось связаться только в 1980 году с помощью гурьевского краеведа Ивана Родионовича Прикметы, который занимался поиском родных бойцов, умерших в наших эвакогоспиталях. А в 1981 году семья Е.А. Омельчука приехала в Гурьев. Побывали на могиле отца. После Омельчуки и Тулина ещё долго переписывались, поздравляя друг друга с праздниками.

«ГУРЬЕВЧАНЕ ОБОРАЧИВАЛИСЬ НАМ ВСЛЕД»

Госпитали создавались не на пустом месте. В Гурьев они прибывали со своим оборудованием, хозчастью и персоналом, многие из которых успели хлебнуть лиха под бомбёжками, потерять родных и близких. Их родные города и сёла занял враг. Сейчас единичные публикации об этих медработниках можно отыскать в открытых источниках.

Война застала Ольгу Ефимовну Рудницкую в Бобруйске (Белоруссия), где та работала медсестрой в районной больнице. Уже через неделю она оказалась в могилёвском передвижном госпитале, который, по мере отступления Красной Армии на восток, часто менял место дислокации.

«В октябре 1942 года нас уволили в долгосрочный отпуск и отправили в эвакуацию в Казахстан, в город Алма-Ату. Мы ехали почти месяц. Там нас вызвали в военкомат и предложили выбрать место работы. Так мы отправились в город Гурьев, госпиталь №4116, на берегу реки Урал. Раньше в здании госпиталя был Дом отдыха. Пока ждали прибытия раненых, шили постельное и нижнее бельё. Население города оборачивалось нам вслед:

раньше люди не видели женщин в военной форме. А нам так хотелось надеть красивое платье, туфельки на каблук. Ведь женщина всегда остаётся женщиной, даже во время войны, – вспоминает Рудницкая. – Позже из Гурьева госпиталь переехал в Ялту, где и остался до самой Победы». (Источник: газета «Рацзіма», Могилёвская область, Республика Беларусь).

Некоторые из бойцов, комиссованные после ранения,

навсегда остались жить в Гурьеве. Именно так сложилась судьба Михаила Алексеевича Богданова (на фото крайний справа) из Ялты. В 1944 году, получив очередное ранение, он попал в гурьевский эвакогоспиталь №2967. Пока лечился – связался с родными. Узнал, что родители его погибли при артобстреле. И дом взорван. Так и остался Михаил Алексеевич в Гурьеве. Освоил профессию бурильщика

Крайний справа М.А. Богданов

и около 40 лет проработал в геофизической экспедиции.

ПЛАВУЧИЙ ГОСПИТАЛЬ

Наш госпиталь плывёт из Сталинграда,

Сменяя обитателей своих.

Плывём через огонь, сквозь смрад и взрывы,

И нет конца страданий неземных...

Автор этого стихотворения – Людмила Васильевна Пожедаева. Чудом спасаясь, контуженая (фашисты разбомбили эшелон с детьми), эвакуированная из блокадного Ленинграда, летом 1942 года 8-летняя Люда вместе с мамой оказалась в Сталинграде, в ЭГ-4949. С началом интенсивной бомбёжки Сталинграда госпиталь погрузили на баржи и отправили вниз по Волге. А потом в Гурьев.

Много позже все ужасы блокадного Ленинграда, тяжёлый госпитальный быт и другие недетские впечатления (она вела дневник) Пожедаева описала в своей книге «Война, блокада, я и другие. Мемуары ребёнка войны». Страшно, жестоко, без патриотического пафоса, без прикрас. Как есть. Вот некоторые отрывки из книги:

«Через какое-то время все мы приплыли в Астрахань, и уже без раненых нас отправили в Гурьев. В Каспии нас изрядно потрепал шторм. Такого количества воды я ещё никогда не видела. В Гурьеве нас пересадили на другой, двухпалубный пароход, и мы стали совершать регулярные рейсы, и где-то далеко в Каспии, прямо в море, нам с другого большого парохода перегружали раненых, и мы везли их на берег в Гурьев. Оттуда их развозили на лечение в обычные госпитали. Всё, что довелось увидеть и услышать в нашем плавучем госпитале, трудно вспоминать. Это тяжело было и для взрослых, но как-то всё это было детской, неокрепшей Душе, да и сердцу.

Сердце постоянно находилось в каком-то подвешенном состоянии... А наш вояж был непрерывным и бесконечным. Мы разгружали раненых на берегу, и их увозили дальше в тыловые стационарные госпитали на полное излечение. А мы сдавали грязное бельё, получали чистое, пресную воду, продукты и возвращались в Каспий. И снова где-то там, далеко от берега, с каких-то других пароходов, мы заби-

ших. Если их было мало, то они лежали рядками. А если их было много, то и складывали их штабелями. Их покрывали простынями, и из-под них всегда торчали голые ноги, к которым были привязаны каменные бирки. Это были умершие, которых передавали нам вместе с ранеными с парохода, и к ним добавлялись те, кто умирал уже на нашем пароходе от тяжёлых ран. На берегу их так же сдавали вместе с доку-

Людмила Пожедаева, фото: baltinfo.ru

рали на свой пароход раненых и снова привозили их в Гурьев.

Нас, детей сотрудников, было немного, и кто хотел, старались помогать сотрудникам госпиталя и раненым, чем могли. Когда перегружали раненых, мы стояли в сторонке и всматривались в их лица, надеясь встретить своих отцов, хоть каких, только бы живых. Мы помогали раненым нести их вещи и показывали, куда идти тем, кто мог передвигаться сам. Дежурный врач руководил этим движением, и мы разводили их – кого в трюмы, кого в стационар, кого по каютам. Санитары мучились в узких проходах с носилками». (...)

«На корме складывали умер-

ментами, как и раненых.

В носовом трюме жили рядовые сотрудники госпиталя. Спали на узлах и вещах. Тут было полутемно. Было слышно, как за бортом хлопает вода. Было душно, и был дурной запах. Трюм плохо проветривался. Но в основном я там только ночевала. А так всё время была с ранеными. Раненые любили нас и называли «дочками», «доченьками», «сестрёнками». Мы делали всё, что умели, и учились тому, чего не умели. Поили, кормили, кто был постарше – читали, писали письма. Мы скручивали в рулончики отстиранные бинты, собирали после еды посуду, подметали и подтирали полы.

Когда было очень много раненых, взрослые просто не успевали справляться со всеми заботами и вынуждены были нам доверять». (...)

«Но самое страшное, когда среди раненых попадали человеческие «обрубки» – без обеих рук и ног. Совершенно беспомощные – одни кричащие и молящие глаза... Тут уж мы старались устанавливать возле них свои дежурства, а ходячие раненые приносили им покурить. С ними было очень трудно. Они были очень разные. Одни, словно пришибленные, лежат тихо, подчиняются безропотно всему. Иногда тихо плачут. Редко что-то просят. Чаще делают вид, что спят. А другие кричат, жутко матерятся... Постоянно что-то требуют или крутят по подушке головой и кричат, что им ничего ни от кого не надо... С такими особенно трудно, потому что совсем не знаешь, что делать в том или другом случае». (...)

«Господи, чего мы только не насмотрелись в этом плавучем госпитале, где для ране-

Из постановления Гурьевского облисполкома от 13 января 1942 года: «Прибывающих 450 чел. раненых распределить следующим порядком: Доссорскому госпиталю – 100 чел. Гурьевским госпиталям – 352 чел. Разрешить облвоенкомату (тов. Жильцову) организацию мобилизации автомашин для переброски раненых. Поручить члену комитета тов. Севостьянову организовать чистку дороги между городом и консервным комбинатом. Считать необходимым организовать приёмочный пункт для пропуска санитарной обработки на консервном комбинате в клубе, в городе в нефтяном техникуме».

Пред. Обл. к-та по оказанию помощи раненым бойцам и командирам Тюлебаев

ных не было удобных условий. Какой охватывал ужас, когда от нестерпимой боли исходил криком какой-нибудь раненый. А ты чем можешь помочь ему в свои 8–9 лет... Гладишь его по голове и только приговариваешь: «Дяденька, ми-

Рыбпромышленный техникум

ленький, не надо! Не плачь!» Да разве это поможет, если больно. А когда видишь слипшиеся, присохшие кровавые и гнойные бинты на ранах! А когда вокруг тебя одни увечья и боль... Посильно ли это детской душе? Соразмерно ли её силам?..

Эвакогоспиталь плавучий,

СТЁРТАЯ ПАМЯТЬ

В настоящее время в Атырау уже нет ни одного здания, где в годы Великой Отечественной войны располагались госпитали. Если не считать здания школы им. Куйбышева, которое фактически является «новоделом», и сейчас там офис «КазТрансГаз Аймак».

Единственное сохранившееся в первоначальном виде здание бывшего госпиталя – рыбтехникум, на стене которого висела памятная табличка – снесли несколько лет назад. Последние годы в нём находился технико-экономический колледж. Теперь на его месте пустырь за синими железными воротами, украшенными морскими судовыми якорями. Рядом, правда, пока ещё остались неуничтоженными два стареньких корпуса рыбтехникума.

И последнее. По официальным архивным данным, всего на лечении в гурьевских эвакогоспиталях находилось 9 318 раненых бойцов, из них умерло от ран 169 человек. Однако эти цифры, скорее всего, не окончательные.

Лев ГУЗИКОВ
Фото из архива автора,
семьи Тулиных
и «Былины»

*Войны проклятой урожай,
Людских страданий тяжкий
сгусток*

Вёз налеченье в мирный край...».
Впоследствии госпиталь №4949 переехал в Ташкент, где и дислоцировался вплоть до своего расформирования.

ИНТРИГИ ХАНСКОГО ДВОРА,

или КАК ЖАНГИР ПРИНЯЛ РУССКОГО ПОСЛАННИКА

«Мы жили в ставке более месяца, большую часть обедали у хана, жена – у ханши, редко у себя в кибитке...

По вечерам собирались у меня султаны, или мы разъезжали по улусам Орды. Жена же всё время находилась у ханши, которая с ней очень подружилась»

Из воспоминаний Л. Львова

Личность Жангир хана долгое время ассоциировалась в нашей истории с точки зрения его противостояния с лидерами восстания Исатаем и Махамбетом. Однозначная поддержка в его противостоянии с Исатаем со стороны царской администрации в советскую эпоху трактовалась как противостояние эксплуататоров с эксплуатируемыми. Несмотря на то, что Жангир действительно был избран ханом при поддержке колониальных властей, всё же представляется, что степень его подчинения им была всё же не такой полной, как это представлялось раньше.

Сейчас Жангир хан представляется ханом-сторонником модернизации традиционного казахского быта. Первые школы, ярмарка, больница, мечеть – неполный перечень того, что успел за короткое время своего правления, а если прибавить, что сам хан-просветитель первым получил звание почётного профессора Казанского Императорского университета, можно получить более полное и точное представление об этой, безусловно великой личности. Следует учесть и тот факт, что его семья продолжала его же традиции. Так, сын Губайдулла Чингизов был удостоен размещения своего портрета в Зале воинской славы, что редко допускалось.

«В царстве другого царства быть не может» – такая резолюция была выдвинута Николаем Павловичем в 1844 году, после заслушанного доклада графа Киселёва о положении

в Букеевской орде. Также данная резолюция была выдвинута из-за политической ситуации, связанной с казахами Младшего жуза и их султанами-правителями.

В своём докладе граф упомянул, что Внутренняя орда, ко-

чевавшая в степях Оренбургской и Астраханской губерний, управлялась Жангир ханом «как бы независимым владетелем». Здесь же был сделан акцент на том, что русская администрация, если даже имеет некоторую власть по отношению к Орде, то это больше проявляется в упразднении конфликтов между казахами, уральскими казаками и калмыками, вызванных земель-

ными спорами. Однако Российская империя желала большей выгоды от казахских ханов и султанов-правителей. Граф отметил, что «положение оставалось неизменным: киргизы, облаженные денежными сборами и «зякетом» в пользу ханов и султанов, вне всякого обязательства к русскому государству».

К сожалению, Жангира трудно было назвать полномочным правителем Орды. Власть ограничивалась из-за контроля со стороны ведомственных структур Империи. Близость российских границ, оторванность от территориально-хозяйственных очагов Младшего жуза – всё это, по существу, предопределяло основные контуры политики правителя Букеевской орды. Но это не говорило о том, что он являлся послушной марионеткой в руках царской администрации.

Сегодня можно говорить наоборот, что с годами авторитет Жангира в глазах царских представителей значительно возрос. Перед ними стоял решительный и просвещённый правитель Орды. Управленческие способности Жангир хана, ведение переговоров с представителями степной элиты (видными султанами) и, конечно же, с представителями российской администрации (царскими губернаторами и с Петербургским двором) давали право полагать, что он находил более приемлемые варианты для укрепления собственных позиций и устоев ханства. Жангир Букеев всегда отчёт-

ливо сознавал возможные последствия близости имперских границ и в этой связи вёл взвешенную политику. В течение 20-летнего правления он смог преобразовать Орду – как в просветительском плане, так и в области социальной модернизации.

Все эти изменения не могли оставить без внимания царскую администрацию, и, руководствуясь резолюцией царя Николая от 1844 года, в Букеевскую орду министром государственных имуществ в Астраханскую и Оренбургскую губернии будет командирован

перед ханом и его приближёнными. Пришлось прибегнуть к интриге, перебирая варианты встречи с ханом. Задание носило секретный характер, и он решил ехать под видом путешественника. Путь в Букеевскую орду пролегал через Оренбург, Уральск до Рын-песков. Львов в Оренбурге намеревался заручиться поддержкой генерал-губернатора Обручева, однако столкнулся с отказом, так как Обручев считал, что подобные намерения приведут к серьёзным последствиям. Зато не отказал в помощи представителю русского двора уральский

шой группой казахов. Они их проводили к хану. Их неожиданный визит встретили очень настороженно, Жангир предпочёл беседовать с гостем через переводчика. Причём переводчик сопровождал их встречи вплоть до самого их отъезда. К тому времени в Ханской ставке находилась также и мадам Люси Аткинсон – жена известного европейского архитектора и путешественника Томаса Аткинсона. Её пребывание в степи было более длительным. В результате к женской половине присоединилась и супруга Львова.

Ханская ставка, конец 1880-х

чиновник данного ведомства Леонид Львов. В том же году Львов попадает в букеевские владения для сбора сведений о «непокорном народе». При этом его интересовали сведения как о социальном и правовом статусе букеевских казахов, так и о самом внутреннем укладе ханства.

МИССИЯ ЛЬВОВА

Поэтапное вытеснение с привычных мест посезонных кочёвок, запреты и ограничения ведения рыбной ловли на берегу реки Яик и другие ситуации, препятствовавшие их привычной жизнедеятельности, вызывали некоторое недоверие населения и правителей Младшего жуза, а позже и Букеевской орды, к представителям царской администрации.

Поэтому исполнитель царской воли Леонид Львов, собираясь в путь, продумывал версии, как представить себя

атаман – полковник Матвей Львович Кожевников.

Из воспоминания Львова, опубликованного в газете «Северная пчела»: «Чтобы не возбудить подозрения киргизов и самого хана, командировка моя отнюдь не должна была иметь вид официального поручения. Я должен был ехать в виде туриста... Мне было позволено взять с собой жену. Но для получения желаемых министерством сведений и тех данных, которые по инструкции надлежало доставить, требовалось тщательное знакомство с внутреннею администрацией Орды, чего я не мог сделать как частное лицо... тем более учитывая скрытость киргизов, и в особенности султанов...».

ВСТРЕЧА С ХАНОМ

По приезде в Орду «путешественник Львов», его супруга и сопровождающий экипаж во главе с атаманом Кожевниковым были встречены неболь-

Ханша Фатима оказывала гостям должное внимание и гостеприимство. При этом каждый раз удивляя своих собеседниц искусным ведением беседы и светскими манерами.

Прибывшие обратили внимание на внутреннее убранство в юртах. Юрта хана отличалась от остальных как по размеру, так и по типу дюзайна. Она была очень большая, убранная коврами и развешенным оружием. В его кибитке часто собирались султаны и проводили долгие беседы. Русскому гостю с его супругой предложили уютную кибитку с расстеленными коврами, освещённую четырьмя лампами, обставленную старинной мебелью разных фазонов. А вот кибитка ханши Фатимы находилась неподалёку от ханской. Там же, недалеко, располагались юрты его приближённых и кибитки прислуг.

По прибытии в степь в пер-

вый же день Львова пригласили к ужину. Он был приятно удивлён изысканными яствами, которые были дополнены шампанским. Готовил угощения французский повар, долгое время проживавший при ханском дворе. Чай подавался с серебряным (аплике) самоваром. На следующий день его пригласили пообедать также у хана в окружении султанов. Там он впервые испробовал мясо жареного молодого жеребёнка и напиток из кобыльего молока.

Гости, не вызывавшие никакого доверия, поначалу были под пристальным присмотром хозяев Орды. Ночами приближённые хана кружили вокруг кибиток так называемых «туристов» и располагались биваками невдалеке, в степи, тем самым обеспечивая надёжную безопасность ханского двора. Но, спустя время, отношения между гостями и местным двором стали более доверительными, чувствовалась оттепель. Судя по всему, смягчению отношений способствовало присутствие полковника Кожевникова, который был знаком с местным менталитетом и имел представление ведения беседы с казахами. Также налаживанию отношений помогли долгое общение и совместное времяпрепровождение на охоте, конных скачках и других увлекательных занятиях. То, что уровень доверия к гостям возрос, сам хан дал понять незадолго до их отъезда. С этого момента хан не нуждался в услугах переводчика. Беседы он начал вести на русском языке. Это очень удивило Львова. За два дня до отъезда гостей Жангир поведал Львову, что был осведомлён генералом Обручевым о прибытии «незванных» гостей, которые вызвали у него большое подозрение: «он ожидал неприятностей..., но, познакомившись со мной, очень меня полюбил и желал, чтобы я не забыл его, старика». Но, несмо-

тря на всю настороженность ханского двора, Львов получил необходимые сведения о Букеевской орде, при этом успев сдружиться с ханом. Провожая, Жангир просил ходатайствовать перед русскими чиновниками об отводе казахам камыша на побережье Каспийского моря в целях защиты и укрывательства та-

бунов казахов от непогоды в зимнее время. Однако астраханский генерал-губернатор Тимирязев, одобрив полученные сведения от Львова, отклонил данную просьбу, не желая делить это благоприятное для кочевания место между казахами и калмыками.

В целом Львов был очень впечатлён поездкой. В своих воспоминаниях писал не только о разнообразии кухни, но и увлечениях хана и его окружения, его поразила тактика ведения переговоров Жангира, а также аристократичность и другие отличительные качества чингизида. Встречу хана и русского посланника можно оценить как увлекательную, но при этом наполненную интригами. Понимали Львов всю опасность своего нахождения в степи, учитывая служебное задание? Судя по записям Львова, он так и не понял – знал ли Жангир о его реальной цели прибытия в Орду, много вопросов вызывал

у него французский повар, находившийся при дворе, и многое другое. В результате приятные воспоминания Львова о поездке в Букеевскую орду нашли отражение на страницах «Русского архива» в 1885 году.

Думается, что эпизод в истории показывает дипломатические умения как царской администрации, так и самого

правителя небольшого участка Казахской степи. Немалый интерес вызывает и история повседневности тех лет, отражённая в записках путешественника. Личность Жангира хана, а также социальная, экономическая, культурная и политическая история Букеевской Орды всё ещё ждут своего исследователя, который смог бы продолжить историческую реконструкцию событий и процессов далёкого прошлого.

Галия ШОТАНОВА,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор КазУМОиМЯ им. Абылай хана (г. Алматы)
Ернар УЖКЕНОВ,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ОФ «Институт национальной истории» (г. Алматы)
Фотоиллюстрации из открытых источников

ПИРОГА МНЕ!

Уважаемые читатели! С сегодняшнего номера стартует новая рубрика «Былины» – «Гурьевский смак». В ней мы собираемся публиковать забытые рецепты русской и – внимание! – гурьевской кухни. А то и с удовольствием поделимся интересным современным рецептом местных хозяюшек.

Ну а начать мы решили со знаменитого гурьевского рыбного пирога. Рецепт взяли у жительницы Атырау Светланы Горшковой. Всё-таки весна, рыба идёт. Раньше, конечно, её было очень много – говорят, в это время наши предки рыбу чуть ли не каждый день солили, варили, жарили, парили. И пекли пироги. Итак...

Фарш. Обжарить слегка куски рыбы («мы любим сазан или сом»), – уточняет Светлана Владимировна). Затем пассеровать лук. Обжарить капусту. Отдельно отварить рис.

Затем остывшие рис и капусту смешать вместе.

Тесто обычное дрожжевое: 1 стакан тёплой воды, 1 стакан тёплого молока, 2 ст. ложки сухих или 50 г «мокрых» дрожжей, 2–3 ст. ложки сахара, щепотка соли, 3–4 ст. ложки подсолнечного масла и муки ровно столько, чтобы замесить некрутое тесто.

Как подойдёт тесто, раскатаем лепёшку, которую укладываем на противень. Затем слоями: рис с капустой, лавровый лист, перец горошком, сверху выкладываем кусочки рыбы, и последний слой – лук жареный. Далее закрываем раскатанной лепешкой теста, защепляем края. Делаем в центре пирога дырочку, а туда – половину чайной ложки сливочного масла. Ставим в духовку после 30-минутной расстойки пирога.

«Да, лавровый лист, перец горошком и рис – это так по-гу-

рьевски! Но самое интересное – как этот пирог ели! – говорит Светлана Владимировна. – В семье моего папы пекли круглые пироги. И вот перед подачей на стол срезали крышечку пирога, которую делили на мелкие кусочки, и давали каждому. После приступали к самому пирогу: ели из общей тарелки – точно так же, как казахи сегодня едят бешбармак. И вот каждый по желанию клал себе – или рис, или рыбу. Ждали все и дно пирога – оно было пропитано начинкой, очень вкусное, его так же, как и «крышку», делили поровну».

У вас есть позабытый рецепт по-гурьевски? Делитесь с нами! Присылайте его нам, мы расскажем о нём читателям! Электронная почта «Былины»: newspaper.bylina@mail.ru

**Пирог пробовала готовить
Елена ЕРМОЛИНА
Фото автора**

Гурьевъ. Плотовинская пристань. Извозчики-киргизы въ ожиданіи высадки пассажировъ.

ПО УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

(Отрывок)

Самый удобный, вернее, наименее неудобный путь – по Каспийскому морю из Астрахани в г. Гурьев на пароходе.

В прошлом (1912 г.) ходило два парохода «Эмба» и «Тамара» и к концу сезона «Гурьевец» – Гурьевского Купеческого Общества. Пароходы «Эмба» и «Тамара» очень неудобные для пассажирского сообщения. В этом году пустило два парохода «Самарканд» и «Араг» Восточное Общество, «Эмба» сдана в аренду одному из нефтепромышленных Обществ и совершает рейсы лишь между Жилой Косой и Большой Ракушей. Но и в этом году пароходное сообщение сохранило все неудобства. Цены высокие: 10 рублей I класс и 3 рубля III класс от Астрахани до Гурьева. Пароходы часто, вследствие того, что берут непомерно большие гружённые баржи, при сравнительно слабом против-

ном ветре, идут по 4-5 и более суток. Пассажиры жалуются на невозможно плохие буфеты и непомерно высокие в них цены, что особенно бьёт их по карману во время затяжных рейсов.

Нельзя, наконец, не отметить возмутительно неудобную и даже опасную высадку пассажиров. На пароходном билете написано: от Астрахани до Плотовинского базара (в 13 вёрстах от г. Гурьева), между тем, пароходные общества доставляют пассажиров на баркасах лишь до глубины, по которой доходит баркас, т. е. в 1/2 вёрст от берега, далее пассажир предоставляется самому себе: он должен найти себе лодку и пересест в неё, чтобы с неё нанять въехавшую в воду телегу, снова перегрузить свой багаж, и только на телеге может выехать на сухое место. Способ этот поражает отсутствием какой бы то ни было

организованности. Трудно себе представить большую халатность по отношению к удобствам пассажира.

Одним словом, пароходное сообщение, как и доставка грузов, способны возмутить даже ко всему привычного русского обывателя.

Наконец, проделавши все бесконечные пересадки, пассажир в лучшем случае лишь мокрый, а то и забрызганный грязью добирается до берега – Плотовинский базар и садится на извозчика киргиза и едет по очень пыльной и тряской дороге в город.

1914 г.

(Стилистика и орфография сохранены)

Александр Николаевич
ЗАМЯТИН,
адъюнкт-геолог
Геологического комитета
Фото из архива
ЭКО «Былина»

Продолжаем публиковать произведение В. Е. Фосса «Очерки Гурьева городка» – яркое и объёмное документальное свидетельство о жизни гурьевчан конца XIX века.

ОЧЕРКИ ГУРЬЕВА ГОРОДКА

ВЕСЕННЕЕ КУРХАЙНОЕ РЫБОЛОВСТВО В МОРЕ

Выставка сетей производится следующим образом: каждый выставит свои – в три линии, т.е. по трети всего числа, на которое имеет право, в линию. Поэтому ни одна артель не может выставить более 33 1/3 сетей в линию, или, как сказано в выдаваемой ежегодно рыболовным атаманом инструкции, боле 450 сажень по бакону. (сети, 33 1/3 по 12 1/2 каждая с приухами, составляют 416 сажень, следовательно 33 сажени, или по сажени на сеть полагается на промежутки между сетями, ибо одна сеть не должна быть счаливаема с другою, чтобы не составилось таким образом непрерывной стены, сквозь которую уже никакая рыба не могла бы проскользнуть к ловящим за баконами).

Первая линия называется лицевой, обращена, следовательно, к устьям Урала, а вторая – параллельно. Расстояние между линиями не определено в точности, но должно быть таково, чтобы в этих промежутках свободно можно было ездить и поворачиваться на лодках. Вторая линия по возможности выравнивается, чтобы не было в ней угступов, т.е. стараются, чтобы расстояние между обоими линиями у всех ловцов было одинаково. Может случиться, при большом числе участников в лове действительно случается, что несколькими артелями, получившим последние номера, не достаёт уже места в боковых линиях, тогда они выставляют свои сети в так называемых вольных водах, т.е. в промежутках между баканными линиями первого и второго участков. В вольных водах число сетей и расстановка их представляется совершенно на произвол ловцов, от чего и название водных вод. Сюда же идут и те, которые, хотя и получили места в баконных линиях, но уже на большой глубине, для лова на которой не имеют пригодных лодок.

Хороший лов на весеннем курха, по замечанию казаков, продолжается до 1-х чисел мая; вообще же

успех его зависит от господства во время его юго-западных ветров, которые нагоняют рыбу. При выгонных ветрах уловов не бывает почти вовсе. Таков преимущественно NW, которого особенно не жалуют казаки, тем более, что он чаще других ветров усиливается до степени бурь, которыми не только уносятся сети, но срываются сами лодки с якорей.

На курхайском лове солится рыба и приготавливаются из неё припасы: паюсная икра, клей и вязига на судах, и время от времени свозятся для склада или для продажи на берег не иначе, как на Ракушечью пристань, куда должны следовать и от куда возвращаться морем, а Уралом, чтобы движением судов не мешать ходу рыбы в реку.

Отлучки с курхайского рыболовства на Ракушечью пристань допускаются не иначе как по билетам, в которых означает количество везомой рыбы, икры и вязиги для предъявления на Ракушечьем посту. Это делается с тою целью, чтобы промышленники не могли выставлять сетей в запрещенном пространстве против устьев Урала.

С 20 апреля до 20 мая казаки приезжают с моря на Ракушечью пристань. Здесь они выгружают с судов солёную рыбу, паюсную икру, клей и вязигу с уплатою в соляной застав акцизной пошлины с каждого пуда солёной рыбы по 20 копеек и с каждого пуда икры – по 1 рублю серебром, с вязиги и клея акцизная

пошлина не взимается. Акцизная пошлина с рыбы и икры поступает в войсковой доход. Пристань в это время обращается в базар, где инородцы, торговцы и торговые казаки скупают рыбу и ее продукты и везут для продажи в города: Уральск – сухопутно, и в Астрахань – морем. Цены на рыбу на весеннем курха бывают следующие: севрюга – от 80 копеек до 1 рубля 36 копеек за пуд, икра – от 7 рублей до 13 рублей за пуд, клей – по 2 рубля за фунт в сухом состоянии и вязига – от 25 до 30 копеек за фунт.

Во время рыбной торговли на Ракушечьей пристани с 19 или 20 апреля открываются на пристани временные питейные заведения, как то: трактиры, ренсковые погреба. Без расписочной продажи и временные выставки с продажей хлебного вина – распивочно и навывнос; заведения эти, за исключением трактиров, существуют до 20 или 21 мая, т.е. до конца курхайского рыболовства, трактиры же с питейною продажей существуют на пристани круглый год.

Есть многие казаки, которые по приезде с курхайского рыболовства и, привезши с собою рыбу, стараются скорее ее продать покупателю за наличные и, получивши деньги, казак домой в Гурьев к родным не торопится, а спешит в трактирное заведение, там он пьёт вино, живёт несколько дней сряду, иногда даже неделю и больше, тогда только

он подумает о доме и о семействе, когда у него останется ограниченное число денег или тогда, когда родные его приедут из Гурьева на пристань за ним.

ВЕСЕННЕЕ СЕВРЮЖЬЕ РЫБОЛОВСТВО НА РЕКЕ УРАЛ

Весеннее севрюжье рыболовство, или севрюжья плавня, начинается со вскрытием Урала, что среднем числом случается около города Уральска в 1-х числах апреля обыкновенно от самого города и производится по всему Уралу и в море против уральских устьев, где и оканчивается в начале июня. Сети на этом употребляются следующие:

1) севрюжья плавная сеть имеет 32 сажени в длину с приухами, не более как в 1 аршина, и состоит из двух полотен: переднего, называемого ряжем, имеющего в ширину от 8 до 11 ячей, по 4 вершка в лопатке и с огнивом в три ячеи, ширина ее - от 3 до 4 аршин. Поплавки и грузила расположены на подборах через две ячеи на третьей переднего полотна;

2) ярыга, она имеет только 7 сажень в длину и устроена следующим образом: весьма широкое полотнище сложено по длине вдвое, начиная с перегиба, сшито по краям. Но не до конца. Таким образом, большая часть сети образует глухой мешок, свободные же, несшитые по краям, концы ее - два крыла: верхнее и нижнее;

3) невод, он имеет в длину от 120 до 200 сажень и в ширину - от 4 до 6 сажень. Ячеи его в 1 1/8 вершка в лопатке, с огнивом в три ячеи. Оба крыла его совершенно одинаковы и равной длины. Невод употребляется казаками после прохода войска, на том пространстве, где оно ловило рыбу плавными сетями и ярыгами.

На весеннем севрюжьем рыболовстве участвуют все желающие уральские казаки, плывут они в бударках (т. е. лёгких длинных лодках) до устьев Урала и до берегов моря, в каждой бударке находятся 2 или 3 казака. Во время

этого рыболовства, обхватывающего значительную часть Урала, рыболовствующее войско, или так называемая громада, должна двигаться все вместе и правильно. Для этого назначаются границы, называемые рубежами, означающие место, до которого можно плавать, и за которое можно переходить не иначе, как уже на другой день. На другой день начинается лов с этого рубежа и идет до следующего; таким образом от рубежа к рубежу проходят весь Урал. Всех рубежей от Уральска до берегов моря считается 20. Лов начинается не ранее солнечного восхода или, по крайней мере, совершенного рассвета. У рубежа, при котором дневной лов должен окончиться, прежде, нежели плавающее войско успеет его достигнуть, ставится кибитка начальника. По окончании ежедневного лова до заката солнца все лодки вытаскиваются на берег, дабы никто не мог тайно ловить ночью. Днёвок на этом рыболовстве нет.

Отдыхи бывают в праздники, а также и тогда, когда противные ветра. Когда войско приближается к Индерскому озеру, что около Горской крепости, то даётся время, нужное для добычи из него соли.

Начальнику над севрюжьем рыболовством, не окончивши ежедневного лова, полагается 6 плавок по проплавленному уже пространству, без захвата следующего рубежа; но они не должны продол-

жаться более часа. Для этого складывают в пользу его 6 бударок по 1 разу. В остальное время запрещается начальнику ловить для себя.

По приплытии севрюжников к Гурьеву тут под Гурьевом они останавливаются, производят рыболовство плавными сетями, ярыгами и неводами; через день вылавывают дневки, и рыболовство не производится; во время днёвок пойманную рыбу продают. Потом приплывают они в Гурьев, что бывает в конце мая, здесь они стоят несколько дней, во время днёвок продают рыбу. Затем проплывают до устьев Урала, а иные до берегов моря, там оканчивают рыболовство, бударки и сети вытаскивают из воды, кладут в телеги, рыбу солят и укладывают. Таким образом, они возвращаются домой сухопутно на длинных дрогах, называемых здесь адрами, которые во все время рыболовства за ними следовали.

Цена определяется рыбе на счет и на вес. Икру оценивают отдельно, на взгляд, и продают сырьем, т. е. как она в рыбе. Дают до 1 рубля 50 копеек за право выпороть икру из севрюги, после чего мясо продают другому. Средняя цена севрюги на этом рыболовстве - от 30 до 40 коп. и икра - от 8 до 10 рублей за пуд - сырьем.

(1866 г.)

Фото из открытых источников
(Продолжение следует)

Коллектив газеты «Былина» выражает соболезнование Надежде Шильман и Павлу Тулину в связи с безвременной кончиной Николая Михайловича ШИЛЬМАН.

При использовании материалов газеты «Былина» ссылка на издание и автора обязательна!

Газета «Былина»

Собственник: ООО «Русское ЭКО «Былина», г. Атырау

Главный редактор: А.А. Кораблёв

Корреспонденты: Е. Ермолина, Л. Гузиков

Дизайн-верстка: П. Тулин

Корректор: М. Варочкина

Периодичность: два раза в месяц

Тираж: 99 экземпляров

Адрес редакции: г. Атырау, ул. Махамбета, 121 «б»

Отпечатано: г. Атырау, ул. Кулманова, 129, оф. 10

Распространяется бесплатно